

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ.

Война 1799 года.

Неизданная статья С. С. Татищева.

Императоръ Павелъ былъ миролюбивъ по природѣ. Страстно любя военное ремесло, посвящая ему большую часть своего времени, онъ не скрывалъ своего отвращенія къ войнѣ. Первымъ дѣломъ его царствованія была отмѣна распоряженій Екатерины относительно дѣятельнаго участія Россіи въ борьбѣ монархій Запада съ республиканскою Франціей: прерваны приготовленія къ заграничному походу сухопутныхъ войскъ, отозваны эскадры изъ Англійскихъ водъ, отмѣненъ рекрутскій наборъ, а союзнымъ дворамъ, Лондонскому и Вѣнскому, объявлено, что новый Государь намѣренъ жить со всѣми державами въ согласіи и мирѣ, по той причинѣ, что Россія, утомленная, изнуренная непрерывными кровопролитными войнами въ продолженіе сорока лѣтъ, нуждается прежде всего въ отдыхѣ и спокойствіи. Рѣшенія эти означали полную перемѣну въ политической системѣ Имперіи, которая, выражаясь словами самого Павла, „изъ соображенной на видахъ приобрѣтеній обратилась въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія“ *).

Сынъ Екатерины не менѣе матери преисполненъ былъ ненависти и презрѣнія къ „неистовой“ Французской республикѣ, которую считалъ

*) Въ одѣ „Вельможа“ Державинъ еще при Екатеринѣ говорилъ, что „блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ

Глядитъ на всѣхъ и на царей
Кому въ державу тѣсны міры“.

Но Державинъ и еще менѣе Павелъ Петровичъ были не въ состояніи постигать великихъ государственныхъ мыслей Екатерины и Потомина. П. Б.

„врагомъ Европы, грозящимъ ей совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія“. Онъ признаетъ необходимымъ противоѣствовать исходящимъ отъ нея потрясеніямъ и переворотамъ, но вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ считаетъ не войну, а восстановление всеобщей тишины. Глубокая ненависть его къ революціи сказалась въ цѣломъ рядѣ его правительственныхъ мѣръ и рѣшеній: въ признаніи графа Прованскаго законнымъ королемъ Франціи и въ приглашеніи его поселиться въ Россіи, въ Митавскомъ замкѣ, гдѣ приняли его съ царскими почестями; въ привлеченіи на Русскую службу остатковъ роялистскихъ ополченій корпуса принца Конде, расположеннаго въ окрестностяхъ г. Дубно, Волынской губерніи; въ щедрыхъ милостяхъ излитыхъ на тѣхъ Французовъ-эмигрантовъ, которые пріютились у насъ, кто въ арміи, кто въ Русской гражданской службѣ; въ безусловномъ воспрещеніи ввоза иностранныхъ книгъ и изданій; въ строгомъ преслѣдованіи Парижскихъ обычаевъ, костюмовъ, модъ.

Но когда Директорія сдѣлала первый шагъ къ примиренію, Русскій царь не отвергъ ея исканій и вступилъ съ нею въ мирные переговоры. Переговоры не привели къ миру, единственно по винѣ Русскаго уполномоченнаго, фанатическаго приверженца такъ называемаго „благаго дѣла“, который приступилъ къ нимъ съ предвзятою рѣшимостью, вопреки ясно выраженной волѣ Государя и наставленіямъ полученнымъ изъ министерствъ: не допустить ни за что Россію до постыднаго примиренія съ Французскими цареубійцами. Мало-по-малу и самъ Павелъ, подъ вліяніемъ окружавшей его среды, далъ увлечь себя въ воинственные замыслы и, уступая неотступнымъ мольбамъ союзныхъ державъ, обѣщаль Англіи и Австріи дѣятельную помощь противъ Франціи *).

Но и тутъ намѣренія его были не тѣ, что у другихъ. Дворы Лондонскій и Вѣнскій, Питтъ и Тугутъ, рѣшились продолжать войну потому только, что въ Лиллѣ и Зальцѣ не сторговались съ Директоріей относительно земельныхъ приращеній, которыя должны были уравнивать въ ихъ пользу расширеніе предѣловъ Французской республики; а, слѣдовательно, цѣлью войны было для нихъ достиженіе вооруженною рукою тѣхъ результатовъ, что не удалось имъ добыть дипломатическимъ путемъ.

Задача, преслѣдуемая императоромъ Павломъ, была несравненно шире, величественнѣе. Приступая къ коалиціи, онъ имѣлъ въ виду

*) Вспомнимъ, что князь Безбородко какъ Малороссъ, не любилъ, по словамъ Карамзина, Россіи.

ничто иное, какъ возстановленіе престола Бурбоновъ во Франціи и законнаго порядка въ Европѣ. Для достиженія этой цѣли онъ не удовольствовался скрѣпленіемъ союзныхъ связей съ Англіей и Австріей, но усердно (хотя и безрезультатно) старался заручиться содѣйствіемъ Пруссіи, а также привлечь къ союзу второстепенныя государства, наиболѣе пострадавшія отъ Французскихъ захватовъ и насилій. Россія заключила союзные договоры съ Турціею, Неаполемъ, Баваріей, Португаліей, Швеціей и объявила войну союзницѣ Франціи,—Италіи. Сплотивъ, такимъ образомъ, едва не всю Европу противъ общаго врага, ставъ средоточіемъ, душою монархической коалиціи противъ Французской республики, Русскій императоръ естественно считалъ себя ея главою, тѣмъ болѣе, что, въ льстивыхъ до раболѣпства обращеніяхъ къ нему, всѣ Европейскіе Дворы признавали за нимъ это званіе, величая его своимъ защитникомъ, избавителемъ, рѣшителемъ судебъ вселенной.

Такъ писали къ императору Павлу не одни изгнанные Французами изъ своихъ владѣній короли Неаполитанскій и Сардинскій, чаявшіе отъ него возстановленія своего на низверженныхъ престолахъ. Тѣми же выраженіями изобилуютъ письма къ Государю и отъ всѣхъ прочихъ союзныхъ монарховъ, не исключая и самыхъ могущественнѣйшихъ: Георга III Англійскаго и Франца II Австрійскаго. Полагаясь на ихъ увѣренія въ полномъ съ нимъ единомысліи, Русскій царь въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ сущность составленнаго имъ „общаго дѣла“.

„Соединясь съ Римскимъ императоромъ и королемъ Великобританскимъ, вооружаемся и идемъ мы единодушно на врага человечества, противоборника властей, преступника закона Божія и возстаемъ на возставшаго на благоденствіе цѣлаго свѣта. Нанесть повсемѣстно тяжкіе ему удары, прекратить успѣхи, пресѣчь способы къ распространенію власти и заразительнаго начала пагубной вольности, лишить всѣхъ завладѣній, болѣе хитростью чѣмъ силою оружія пріобрѣтенныхъ и, поразивъ страхомъ и ужасомъ тучи опустошающихъ сихъ злодѣевъ, заключить въ прежніе ихъ предѣлы, ожидая междоусобной брани и возстановленія древняго престола отъ Бога постановленныхъ во Франціи государей—есть благое намѣреніе ополчающихся трехъ державъ. Союзъ нашъ есть святыя, ненарушимыя и безкорыстенныя“.

Всѣмъ союзникамъ было заблаговременно объявлено полное и безусловное отреченіе Россіи отъ какихъ бы то ни было пріобрѣтеній въ предстоящей войнѣ. Самая Мальта, достояніе ордена Св. Іоанна

Иерусалимскаго, коего Павелъ Петровичъ провозгласилъ себя Великимъ Магистромъ, не составлялъ исключенія изъ этого правила, такъ какъ Государь „не предполагалъ простирагь владычество свое на этотъ островъ яко принадлежащій имперіи Всероссійской“, но намѣревался, по отвоеваніи отъ Французовъ, возвратить его въ полную собственность и распоряженіе державнаго ордена. Выступая поборникомъ справедливости и права, провозглашая лично свойственныя ему безпристрастіе и безкорыстіе руководящими началами своей политики, Павелъ I не искалъ и не хотѣлъ для себя и для Россіи другой награды кромѣ славы возстановителя алтарей и престоловъ, освободителя, умиротворителя, спасителя Европы.

Увлекаясь тѣмъ, что считалъ своимъ призваніемъ, какъ бы предназначеніемъ своимъ, Государь двинулъ значительныя силы сухопутныя и морскія для содѣйствія союзникамъ въ достиженіи предположенной общей цѣли. 32000 человекъ Русскаго войска присоединились къ Австрійской арміи въ Сѣверной Италіи; столько же направлено въ Швейцарію; 18000 подкрѣпили Англійскій корпусъ, предназначенный къ нападенію на Голландію; небольшой отрядъ высадился даже на Неаполитанскомъ берегу. Кромѣ того, эскадра въ 30 судовъ отправилась изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое море, другая въ 21 судно изъ Чернаго моря въ Средиземное. Наконецъ, до ста тысячъ стянуто было къ разнымъ границамъ имперіи, гдѣ образовало первую и вторую резервныя арміи, а всѣ прочія сухопутныя силы, составлявшія резервныя арміи; третью и четвертую, расположенныя вокругъ С.-Петербурга и Москвы, получили приказаніе быть всегда готовыми къ выступленію.

Военныя дѣйствія начались на морѣ, осенью 1798 года, и на первыхъ же порахъ ознаменовались блестящими успѣхами: покореніемъ семи Ионическихъ острововъ Черноморскою эскадрою адмирала Ушакова. Слѣдующею весною Русскіе самостоятельныя корпуса примкнули къ Австрійской арміи, расположенной вдоль границы Цисальпійской республики, и во главѣ союзныхъ силъ, Русскій главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій менѣе чѣмъ въ три мѣсяца не только покорилъ Ломбардію и Пьемонтъ, но, разбивъ и разсѣявъ три Французскія арміи въ цѣломъ рядѣ побѣдоносныхъ сраженій, освободилъ главныя крѣпости Италіи такъ, что къ концу Августа 1799 г. на всемъ пространствѣ полуострова Французы держались лишь въ Генуѣ и Анконѣ. За то Русскіе гарнизоны занимали уже Неаполь и самый Римъ.

Въ продолженіе цѣлаго лѣта 1799 года быстро слѣдовали въ Петербургъ одна побѣдоносная вѣсть за другою. Какое радостное чувство возбуждали онѣ въ душѣ Государя, какъ гордился онъ славою, осѣнившею Русскую рать и ея побѣдоноснаго вождя, видно изъ щедрыхъ наградъ, дарованныхъ имъ побѣдителямъ, но едва-ли не болѣе еще изъ восторженныхъ писемъ его къ фельдмаршалу. „Начало благо“, писалъ онъ ему по полученіи извѣстія о первомъ подвигѣ, взятіи Брешии; „дай Богъ, чтобы вездѣ были успѣхи и побѣды. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и давнишняя привязанность ея къ вамъ самимъ“. Недѣлю спустя, въ отвѣтъ на донесеніе о пораженіи непріятеля при переходѣ черезъ рѣку Адду, онъ, посылая Суворову брилліантовый перстень со своимъ портретомъ, просилъ носить его „на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго“.

„Въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ“ укорялъ Государь фельдмаршала, узнавъ о занятіи Милана и Турина и завоеваніи всей сѣверной Италіи; въ другой—о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемістно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ“.

Трехдневный бой подъ Требіей и совершенное пораженіе генерала Макдональда, спѣшившаго изъ южной Италіи на соединеніе съ вытѣсеннымъ изъ Ломбардіи и Піемонта генераломъ Моро, доставилъ Суворову осыпанный брилліантами Царскій портретъ, при слѣдующихъ строкахъ: „Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, имъ же прославляется царствованіе наше“. Благодарственное письмо за взятіе Александрійской цитадели гласило: „Часть отъ часу успѣхи ваши и послѣдствія побѣдъ утверждаются, и вскорѣ Италія вся перестанетъ имѣть въ глазахъ безбожныхъ своихъ завоевателей“. На донесеніе же о паденіи Мантуи Павелъ отвѣчалъ: „Примите воздаяніе за подвиги ваши. Да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ, къ чести ихъ и славѣ Россіи.... Простите, побѣдоносный мой Фельдмаршалъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій!“ Когда же императоръ Павелъ получилъ вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной подъ Нови надъ генераломъ Жуберомъ, павшимъ въ сраженіи, побѣдѣ, окончательно упрочившей за союзниками обладаніе Италіей, „не знаю“—написалъ онъ Суворову,—„что пріятнѣе: вамъ-ли побѣждать, мнѣ-ли награждать за побѣды; но мы оба исполняемъ должное: я, какъ

Государь, а вы, какъ первый полководецъ въ Европѣ... Вамъ, не зная что уже и давать, потому что вы поставили себя выше награжденій, опредѣлимъ почеть военную“. Награда состояла въ приказаніи всѣмъ Русскимъ войскамъ отдавать фельдмаршалу, даже въ присутствіи Государя, всѣ воинскія почести „подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества“. Рескриптъ заключался словами: „Прощайте, князь, живите, побѣждайте Французовъ и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушенія онаго“ *).

Кто-же были эти „прочіе“? Подъ ними Павелъ разумѣлъ никого иного, какъ нашихъ же союзниковъ и соратниковъ—Австрійцевъ.

Пока между Петербургомъ и Вѣною шли переговоры о способѣ и размѣрахъ Русской помощи Австрійцамъ противъ Франціи, Вѣнскій Дворъ тщательно избѣгалъ недоразумѣній, соглашался со всѣми предложеніями и требованіями Петербургскаго Двора, ища предупредить всѣ его желанія. Руководило имъ при этомъ сознаніе, что Австрія не можетъ обойтись безъ Россіи, содѣйствіемъ которой нужно заручиться, во что бы то ни стало. Но, какъ только что состоялся уговоръ между обоими правительствами, и Русскія вспомогательныя войска направились къ Австрійской границѣ, поведеніе Австрійцевъ измѣнилось. Еще до вступленія первыхъ нашихъ колоннъ въ Галицію, между начальниками ихъ и Австрійскими комиссарами возникли пререканія изъ за размѣра провіанта отпускаемаго войскамъ. Узнавъ о томъ, Императоръ Павелъ приказалъ всему вспомогательному корпусу не двигаться впередъ, пока Австрійскія власти не удовлетворятъ требованію трехъ фунтовъ хлѣба на человѣка, вмѣсто двухъ, предлагаемыхъ Австрійцами. Вѣнскій Дворъ, разумѣется, поспѣшилъ подчиниться необходимости; за то торопилъ походомъ, настаивая на томъ, чтобы Русскіе, въ суровую зиму 1798—1799 года, безостановочно шли къ Дунаю, а когда они дошли до Кремса, то пріостановилъ ихъ дальнѣйшее движеніе и продержалъ въ бездѣйствіи болѣе двухъ, мѣсяцевъ. По прибытіи Суворова въ Вѣну, за нимъ тамъ ухаживали, льстили ему, обѣщали полную свободу распоряжаться военными дѣйствіями:

*) Въ посланіи къ своему дядькѣ-Итальянцу Баратынскій вспоминалъ:

Именовалъ ты намъ и принцевъ и
Земли, гдѣ зрѣлъ, дивясь, Суворовскихъ солдатъ,
Выходящихъ вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что по твоимъ словамъ со стогновъ гонять псовъ
Въ густой пыли побѣды, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
Рядами стройными въ классическій твой городъ.

но едва принялъ онъ начальство надъ союзными арміями, какъ стали требовать, чтобы о всѣхъ своихъ предположеніяхъ онъ относился предварительно въ Вѣну и ничего не предпринималъ рѣшительнаго безъ соизволенія отсюда. Русскій вождь не стѣснялся, однако, приказаніями гофкригсрата и, не обращая вниманія на наставленія Вѣнскихъ „бештимтраттрегеровъ“, бодро и смѣло шелъ отъ одной побѣды къ другой. Совершенные имъ блестящіе подвиги не только не примирили съ нимъ Тугута и его военныхъ совѣтниковъ, но еще болѣе раздражили ихъ противъ героя-фельдмаршала.

Отсюда печалованіе Австрійскихъ проэкторовъ, что побѣды и завоеванія его происходятъ не по правиламъ. Въмѣсто благодарности рескриптъ къ нему императора Франца заключалъ въ себѣ колкія, а отчасти и рѣзкія замѣчанія, упреки, едва-ли не выговоры. Дошло даже до того, что гофкригсратъ сталъ давать предписанія частнымъ Австрійскимъ начальникамъ помимо главнокомандующаго, а Вѣнскій кабинетъ, укоряя его въ неповиновеніи, принесъ на него жалобу императору Павлу.

Геніальный полководецъ прекрасно понималъ истинныя причины, возбуждавшія враждебное къ нему расположеніе Вѣнскаго Двора. То была прежде всего зависть, порожденная тѣмъ, что Суворовъ мѣтко называлъ „неискоренимою привычкою битымъ быть“; то было также предпочтеніе, которое привыкли отдавать въ Вѣнѣ посредственности надъ дарованіемъ, потому, какъ справедливо замѣчалъ нашъ фельдмаршалъ, что „талантъ не охотникъ до узды“. Отсюда и утвержденіе, встрѣчающееся даже въ рескриптахъ Франца II, что успѣхами своими Суворовъ, главнымъ образомъ, обязанъ своему военному счастью. „Счастіе, говоритъ Римскій императоръ“ (возражалъ фельдмаршалъ въ письмѣ къ Русскому послу въ Вѣнѣ, Разумовскому) „ослиная въ арміи голова тоже говорила мнѣ: слѣпое счастье“. Тому же дипломату старался онъ растолковать всю негѣпость предъявленныхъ къ нему требованій: „Его Римско-императорское Величество желаетъ, чтобы, ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; по сему дѣлу для нихъ никогда нѣтъ вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Треббії по слѣдамъ Ганнибала; ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться тамошними сокровищами; ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висящіе волосы. Летъ ея молніинъ; нехвати за волосы—уже не возвратится...“. И въ другомъ письмѣ:

„Я въ Миланѣ получаю изъ Вѣны отвѣты о прїѣздѣ моемъ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ“.

Заступаясь за Австрію, за Тугута, напрасно Разумовскій старался успокоить оскорбленнаго фельдмаршала увѣреніемъ, что въ Вѣнѣ цѣнятъ его заслуги, уважаютъ его, почитаютъ, благодарны ему и не будутъ стѣснять его въ военныхъ предпріятіяхъ, опасаясь лишь, какъ бы не были разстроены имъ „политическія расчисленія въ кабинетѣ“.

Непрерывные уколы вывели, наконецъ, Суворова изъ терпѣнія. „Я не мерсенеръ, не наемникъ, который изъ за хлѣба имъ послушенъ“, восклицалъ онъ и рѣшился довести о всемъ до свѣдѣнія Императора Павла. „Робость Вѣнскаго Кабинета писалъ онъ Государю, двѣ недѣли послѣ сраженія на Треббїи, зависть ко мнѣ, какъ къ чужестранцу, и интрига частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня, Ваше Императорское Величество, всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится“.

Но сіе не только не перемѣнилось, а отношенія Русскаго главнокомандующаго къ Австрійскому Двору вскорѣ еще болѣе обострились вслѣдствіе именно политическихъ расчисленій послѣдняго. Дѣйствуя сообразно съ гласно провозглашенною цѣлью союза, Суворовъ, при вступленіи въ Піемонтъ, издалъ воззваніе къ населенію, въ которомъ объявлялъ, что предводимая имъ армія пришла для того, чтобъ возстановить законнаго короля на престолъ предковъ. Въ другомъ воззваніи къ Піемонтскимъ воинамъ онъ убѣждалъ ихъ покинуть республиканскія знамена и присоединиться къ союзникамъ, обѣщая офицерамъ и солдатамъ оставить имъ прежнее ихъ званіе и жалованье, а также, что никому другому не будутъ они присягать кромѣ короля Сардинскаго. По занятіи Турина, исполняя въ точности полученное отъ императора Павла повелѣніе, фельдмаршалъ отправилъ къ бывшему въ Калиари на островѣ Сардиніи Карлу-Эммануилу нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ приглашалъ его возвратиться въ свои владѣнія, а между тѣмъ королевскому посланцу, графу де-Сентъ-Андрѣ, ввѣрилъ управление краемъ, въ званіи намѣстника короля. Но лишь только извѣстіе о томъ достигло до Вѣны, какъ послано было главнокомандующему приказаніе отмѣнить всѣ сдѣланныя распоряженія, распустить образованные имъ отряды Пьемонтскихъ войскъ, пригласить графа Сентъ-Андре передать управление Пьемонтомъ Австрійскому комиссару и ни

подъ какимъ видомъ не допуститъ короля вернуться въ свои владѣнія. „О семъ не надобно и упоминать“, пояснялъ въ письмѣ къ Суворову графъ Разумовскій.

Мѣры эти явно обличали Австрійскіе виды на Піемонтъ. Оспаривать ихъ или бороться съ ними зависило не отъ фельдмаршала. Скрѣпя сердце, подчинился онъ всѣмъ требованіямъ императора Франца, напомнившаго ему, при этомъ случаѣ, что обязанность его подчиняться въ точности повелѣніямъ Вѣнскаго Двора, и извѣстилъ короля Эммануила, что отъѣздъ его съ острова Сардиніи долженъ быть отложенъ до болѣе благопріятнаго времени.

Ломбардія и Піемонтъ были уже отвоеваны, когда въ концѣ Мая узнали въ Петербургѣ, что бывший Мальтійскій великій магистръ, Гомпешъ, проживавшій въ Триестѣ, продолжая разыгрывать тамъ роль главы ордена, содержитъ вокругъ себя Дворъ изъ балы и рыцарей, разсылая посольства въ Палермо къ Неаполитанскому Двору и въ самую Мальту. Императоръ Павелъ, принявшій званіе Великаго Магистра Ордена Св. Іоанна, счелъ такіе поступки посягательствомъ на свое достоинство и приказалъ объявить Вѣнскому Двору, что ожидаль большаго къ себѣ уваженія во владѣніяхъ государя, именовавшаго себя его другомъ и союзникомъ. Онъ требовалъ, чтобъ положенъ былъ предѣлъ „глупостямъ“ Гомпеша въ Триестѣ, и чтобы Австрійскія власти дозволили ему оставаться въ этомъ городѣ не иначе, какъ въ качествѣ частнаго лица, а свиту его и Дворъ его разогнали. Пока же Гомпешъ не будетъ уразумленъ, корпусу Римскаго-Корсакова, вступившему уже въ Галицію, было предписано пріостановить дальнѣйшее движеніе. Распоряженіе это испугало Цесарскаго посла при Русскомъ Дворѣ. Не ожидая разрѣшенія изъ Вѣны, гр. Кобенцель успѣшилъ увѣрить Государя, что воля его будетъ исполнена въ точности и, уступая его просьбамъ, Павелъ разрѣшилъ генералу Римскому-Корсакову продолжать походъ; но въ то же время предписалъ своему представителю въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, зорко наблюдать за немедленнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ обѣщаній Кобенцеля, присовокупивъ, что малѣйшее замедленіе будетъ сочтено имъ за признакъ неискренности Вѣнскаго Двора по отношенію къ нему, которая отразится и на собственномъ его поведеніи относительно Австріи.

Тугутъ остался крайне недоволенъ угодливостію Кобенцеля, по словамъ его навязавшаго своему Двору обязанность тюремщика Русскаго Императора и искалъ какихъ нибудь средствъ „смягчить позоръ“

даннаго имъ обѣщанія. Но посолье настаивалъ, что удовлетвореніе всѣхъ прихотей Павла въ Мальтійскихъ дѣлахъ—вѣрнѣйшее средство привязать его къ видамъ Австріи, завладѣть имъ совершенно. Соображеніе это побудило, наконецъ, императора Франца отправить въ Петербургъ поздравительную депутацію отъ Великаго Пріорства Богемскаго. Но и тутъ не обошлось безъ недомолвки и „мысленныхъ ограниченій“. Уже былъ назначенъ день для принятія Государемъ въ горжественной аудіенціи депутатовъ, графовъ Коловрата и Сень-Жульена, когда, изъ предварительнаго разсмотрѣнія привѣтствованій ихъ, оказалось, что въ ней Государь ни разу не названъ Великимъ Магистромъ ордена. Обстоятельство это поставлено было на видъ Цесарскому послу, съ предвареніемъ, что, пока упущеніе не будетъ исправлено, Императоръ не приметъ депутацію. И въ этотъ разъ Кобенцель счелъ нужнымъ обезоружить Павла Петровича изъявленіемъ полной покорности.

